

Вопросы *Литературы*

11-й год издания

Ежемесячный журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

9

СЕНТЯБРЬ

МОСКВА
1967

Д. ЛИХАЧЕВ

1. Ответить на этот вопрос нелегко. Прошло полвека напряженнейшей и интенсивнейшей работы. Эти полвека могли бы равняться по крайней мере целому столетию, а может быть, и больше. Сказать об этом колоссальном периоде в двух словах почти невозможно. Все же попытаюсь. До Октябрьской революции в области изучения древнерусской литературы, которой я занимаюсь, было сделано чрезвычайно много, и было бы несправедливым, пытаясь возвеличить то, что сделано сейчас, умалить то, что было сделано раньше. К сожалению, такой путь часто избирается историографами нашей науки. Не будет несправедливым, однако, сказать следующее. До 1917 года древнерусская литература изуча-

лась по преимуществу книговедчески и «рукописеведчески» (прошу прощения за этот неологизм). И с этих точек зрения она изучалась совсем неплохо. Однако недоставало подхода к древнерусской литературе как к явлению искусства. Такой подход наметился в работах А. Орлова и был развит и углублен во многих трудах советских «древников». Слабо обстояло дело также с изучением историко-литературного процесса Древней Руси. Благодаря тому, что советское литературоведение с помощью единого для всех наук марксистского метода стало в тесную связь с исторической наукой в целом, с искусствоведением, с историей общественной мысли и философии, с историей языка и пр., — углубились наши представления об истории литературы, о закономерностях ее развития. Единство методологической базы стирает механические различия между отдельными видами изучения древнерусской письменности, сохраняя и даже углубляя различия принципиальные, вызванные природой самих произведений — художественных и «деловых». Теперь у нас не только книговедение и рукописеведение, но есть и литературоведение. Однако во многом улучшилось и само рукописеведение. Концентрация рукописных фондов в немногих хранилищах позволила при издании и изучении текстов пользоваться гораздо большим количеством рукописей, чем раньше. Сделала большие шаги вперед и текстология. Текстологические принципы, выдвинутые А. Шахматовым и В. Перетцом, подготовили тот углубленный историзм, на который встала советская текстология, выведя себя из состояния техники издания текстов на путь широкого исследования истории текстов.

2. Таких проблем очень и очень много. Их невозможно не только перечислить, но и кратко суммировать по группам вопросов. Чем интенсивнее развитие любой науки («точной» или «неточной», — обычное деление наук на «точные» и противоположные им, то есть «неточные», само по себе крайне неточно), тем большее количество неизученных и нетронутых проблем открывается перед исследователями. Обычный путь развития науки: количество полученных ответов все время отстает от количества вновь возникающих вопросов. Возьмите естественные науки: в конце XVIII века казалось, что наука скоро разрешит все проблемы. В XIX веке область неясного расширилась. А теперь? То же и в литературоведении. Приходится только радоваться тому, сколько еще интересного предстоит изучать нашей научной молодежи, как много будет открываться перед молодыми исследователями интересного, загадочного, неразрешенного, требующего пристального внимания литературоведов. Прогресс науки — это не только прогресс «ответов», но и расширение перспектив изучения.

К сожалению, в нашем планировании господствует рутинность. Мы боимся новых тем. (Когда я говорю «мы», я имею в виду действительно нас — исследователей литературы, всех при этом без исключения, так как планирование ведется в той или иной степени всеми нами, а не теми только, кто сводит наши предложения и

предположения в широкие простыни официально утверждаемых министерствами и академиями наук планов.) Почти каждая новая тема, где возможны значительные открытия, кажется узкой и специальной. А мы мало изучаем специальные вопросы. Мы забываем, что наука движется не общими курсами, учебниками и обзорами, а специальными, «узкими» исследованиями отдельных вопросов. Литературоведение в этом отношении не отличается от математики, физики, химии, астрономии и других наук. Между тем мы, литературоведы, больше «обобщаем» по кругу «заголовочных» тем, где обобщения уже в какой-то мере подсказаны самим названием труда. В нашем планировании появилась даже графа: «ожидаемые результаты». Настоящий же результат научного исследования всегда «неожидаем» и неожидан. Необходимо считаться и с тем, что иногда исследование может и не дать крупных результатов. Если видеть в этом естественные издержки, сопровождающие серьезные поиски, тогда будет больше смелости в выборе тем. Тогда мы будем заниматься не только крупными авторами, но и «средними», без которых, однако, нельзя построить историю литературы, понять закономерности ее развития. Тогда мы будем заниматься и отдельными «сквозными» вопросами — вопросами, охватывающими творчество многих писателей, объединяющими древнюю литературу с новой, позволяющими углубленно судить о литературном развитии тех стран, где она только начинается или проходит процесс своего «ускоренного» развития (последнее особенно важно — в орбиту мировой культуры входит сейчас все больше и больше стран).

3. Работ, в которых мастерство историко-литературного исследования находится на высоком уровне, очень много. Мы, как правило, недооцениваем наше литературоведение. Мне хотелось бы здесь выделить только группу работ, которые я бы назвал «стимулирующими». Это работы, с которыми я в основном не согласен по многим пунктам, с которыми я готов спорить, но которые будят мысль, тревожат и волнуют исследователя, побуждают его заняться собственными исследованиями в той же сфере. А когда с автором соглашаешься во всем, — это плохой признак. Такие работы мне по большей части неинтересны. Правда, не всякий вид несогласия «стимулирующий». Если исследователь находит в работе ошибки, незнание материала, примитивность в постановке вопроса, стремление разрешать вопросы средствами пустой риторики, то такого рода возникающие у исследователя «возражения» не могут считаться «стимулирующими».

Итак, какие же работы я считаю стимулирующими? Назову их без особого порядка — так, как они мне приходят на память. Это две книги М. Бахтина — о Достоевском и о Рабле (последняя работа особенно важна для нас, медиевистов). Это три тома «Теории литературы (Основные проблемы в историческом освещении)». Это работа Г. Тачева об ускоренном развитии литературы. Это книга Н. Конрада «Запад и Восток», в которой чрезвычайно важна постановка вопроса о сходстве в развитии литератур разных народов,

о Ренессансе как явлении, свойственном на известном этапе исторического развития всем народам. Это «Очерки поэтического стиля Древней Руси» В. Адриановой-Перетц. Это многочисленные работы В. Виноградова по стилистике. Это книга Б. Бурсова о национальном своеобразии русской литературы (и с этой интересной книгой я во многом несогласен). Это книга В. Кожинова о происхождении романа. Это статьи и книги тартуского профессора Ю. Лотмана на самые разнообразные темы. Это стимулирующие конкретные исследования работы М. Алексеева и П. Беркова (работы, заражающие читателя романтизмом литературоведческих поисков). Это книги Д. Максимова о Лермонтове и Л. Гинзбург о лирике. Но я должен остановиться: перечисление могло бы быть слишком длинным.

Наконец, есть великолепные работы, которые не столько стимулируют чужие исследования, сколько их облегчают и мимо которых нельзя поэтому пройти, не поблагодарив их авторов от всей души. Я имею в виду работы, без которых вообще не может развиваться литературоведение, но которые мы мало ценим, с трудом печатаем, хотя они редко залеживаются на прилавках книжных магазинов, а в наших личных библиотеках стоят поближе к письменному столу. Это работы по библиографии и археографии. В этой связи мне бы хотелось отметить их авторов: К. Муратову, М. Мельц, Н. Дробленкову, И. Кудрявцева, В. Малышева и многих, многих других.

г. Ленинград